

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ
ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО**

**THE PROBLEM OF DETERMINING THE PROCEDURAL FORM
OF THE ACCUSED'S TESTIMONY**

DOI: 10.31429/20785836-13-2-23-32

Костенко Роман Валерьевич
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ID ORCID: 0000-0002-5807-6871
Author ID: 57205319331
Researcher ID: AAC-7003-2020

Kostenko Roman Valerievich
Doctor of Law, Professor
Professor of Criminal Procedure Department
Kuban State University

Шульгина Елена Владимировна
юрист
ООО «Кубань Консалт 2000»
ID ORCID: 0000-0003-0968-5061

Shulgina Elena Vladimirovna
Lawyer
Kuban Consult 2000 LLC

Аннотация: Целью настоящего научного исследования является изучение проблемы определения процессуальной формы показаний обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве с учётом существующих доктринальных точек зрения в теории и положений отечественного уголовно-процессуального законодательства.

В рамках указанной цели решались следующие задачи: осуществлён анализ научных взглядов по вопросу определения процессуальной формы показаний обвиняемого в уголовном процессе; рассмотрена характеристика процессуальной формы показаний обвиняемого с точки зрения законности источника их получения; установлено, что процессуальная форма показаний обвиняемого зависит, во-первых, от соблюдения требований УПК РФ при признании лица обвиняемым, который является субъектом (носителем) этого вида доказательства, и, во-вторых, от установленного УПК РФ способа закрепления (фиксации, сохранения) показаний, полученных от обвиняемого в уголовном процессе; предложены пути решения сложившихся проблем при определении процессуальной формы показаний обвиняемого в уголовном судопроизводстве.

В представленном научном исследовании использовались традиционные общие (диалектический, формально-логический) и частные (юридико-догматический, толкования правовых норм, сравнительно-правовой, описательный, интерпретационный) методы научного познания, которые способствовали получению нового знания о процессуальной форме показаний обвиняемого в уголовном процессе, решению некоторых проблем, возникающих в ходе правоприменения в связи с соблюдением требования законности процессуальной формы показаний обвиняемого по уголовным делам.

В результате проведённого исследования: констатируется необходимость надлежащего универсального понимания процессуальной формы показаний обвиняемого; отмечается значимость соблюдения требования законности процессуальной формы показаний обвиняемого; обосновывается важность процессуальной формы с точки зрения допустимости показаний обвиняемого; анализируются доктринальные подходы по вопросу соотношения процессуальной формы с предусмотренными в УПК РФ способами закрепления (фиксации, сохранения) показаний обвиняемого; критически рассмотрена проблема доказательственного значения протоколов допроса

обвиняемого и протоколов судебного заседания, в которых могут фиксироваться сведения, сообщаемые обвиняемым.

Сформулированы следующие основные выводы:

1) процессуальная форма доказательства в уголовном процессе выступает нормативным способом закрепления (фиксации, сохранения) содержания доказательств, её разновидности предусмотрены действующим уголовно-процессуальным законодательством в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Определение доказательств с точки зрения их законных процессуальных форм необходимо связывать с источниками сведений, на основе которых органы уголовного судопроизводства в порядке, определённом УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Поэтому процессуальная форма показаний обвиняемого с точки зрения законного источника их получения должна характеризоваться, *во-первых*, законностью признания лица обвиняемым, который является субъектом (носителем) этого вида доказательства, и, *во-вторых*, определением установленного УПК РФ способа закрепления (фиксации, сохранения) показаний, полученных от обвиняемого в уголовном процессе;

2) несоблюдение, нарушение требований по порядку составления и вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), будет означать незаконность признания такого лица обвиняемым, и соответственно влечёт за собой исключение показаний, полученных от данного субъекта, как недопустимых доказательств. Аналогичная ситуация возникает и в тех случаях, когда устанавливается незаконность либо вынесенного обвинительного акта (ст. 225 УПК РФ), либо составленного обвинительного постановления (ст. 226.7 УПК РФ);

3) процессуальная форма показаний обвиняемого с точки зрения источника их получения зависит от соблюдения законности способов закрепления (фиксации, сохранения) данного вида доказательств. В этом случае необходимо решить проблему доказательственного значения протоколов допроса обвиняемого и протоколов судебного заседания, в которых могут фиксироваться сведения, сообщаемые обвиняемым;

4) поскольку ст. 83 УПК РФ гласит, что протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным УПК РФ, постольку из содержания названной статьи можно сделать вывод о том, что протоколы допросов должны быть также отнесены к числу доказательств по уголовному делу. Значит, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ, самостоятельными доказательствами являются, с одной стороны, показания, полученные в ходе допросов, и, с другой, — сами протоколы допросов, в которых могут содержаться показания. Показания обвиняемого указываются в протоколах его допросов либо протоколе судебного заседания, которые в свою очередь представляют собой письменные акты, фиксирующие ход и результаты данного следственного (судебного) действия. Поэтому протоколы допросов обвиняемого точно также, как и протоколы судебных заседаний, содержащие показания обвиняемого, являются предметом оценки допустимости с точки зрения соблюдения законной процессуальной формы.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальная форма, показания обвиняемого, протокол допроса обвиняемого, допустимость показаний обвиняемого.

Annotation: The purpose of this scientific research is to study the problem of determining the procedural form of the testimony of the accused in Russian criminal proceedings, considering the existing doctrinal points of view in the theory and provisions of the domestic criminal procedure legislation.

Within the framework of specified goal, the following tasks were solved: an analysis of scientific views on the issue of determining the procedural form of the testimony of the accused in the criminal process was carried out; the characteristics of the procedural form of the testimony of the accused from the point of view of the legality of the source of their receipt are considered; it was established that the procedural form of the testimony of the accused depends, firstly, on compliance with the requirements of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation when the person is recognized as the accused, who is the subject (carrier) of this type of evidence, and, secondly, on the method of securing (fixing, preserving) established by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation testimony received from the accused in the criminal process; the ways of solving the existing problems in determining the procedural form of the testimony of the accused in criminal proceedings are proposed.

In the presented scientific research uses the traditional general (dialectical, formal-logical) and private (legal-dogmatic, interpretation of legal norms, comparative legal, descriptive, interpretive) methods of scientific knowledge, which contributed to the acquisition of new knowledge about the procedural form of the testimony of the accused in criminal proceedings, solving some problems arising in the course of law

enforcement in connection with the observance of the requirement of legality of the procedural form of the testimony of the accused in criminal cases.

As a result of the study: the need for a proper universal understanding of the procedural form of the testimony of the accused is stated; the importance of compliance with the requirement of the legality of the procedural form of the testimony of the accused is noted; substantiates the importance of the procedural form from the point of view of the admissibility of the testimony of the accused; analyzes the doctrinal approaches on the correlation of the procedural form with the methods of securing (fixing, preserving) the testimony of the accused provided for in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; the problem of the evidentiary value of the protocols of the interrogation of the accused and the minutes of the court session, in which the information provided by the accused can be recorded, is critically examined.

The following main conclusions are drawn:

1) the procedural form of evidence in criminal proceedings acts as a normative way of securing (fixing, preserving) the content of evidence, its varieties are provided for by the current criminal procedure legislation in part 2 of Art. 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The definition of evidence from the point of view of their legal procedural forms must be associated with sources of information, on the basis of which the bodies of criminal proceedings, in the manner determined by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, establish the presence or absence of circumstances to be proved in criminal proceedings, as well as other circumstances that are important for criminal case. Therefore, the procedural form of the testimony of the accused from the point of view of the legal source of their receipt should be characterized, firstly, by the legality of recognizing the person as the accused, who is the subject (carrier) of this type of evidence, and, secondly, by determining the method of securing (fixing, preserving) evidence obtained from the accused in the criminal process;

2) non-compliance, violation of the requirements for the procedure for drawing up and issuing a decision to prosecute as an accused (Article 171 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), will mean the illegality of recognizing such a person as an accused, and, accordingly, entails the exclusion of testimony received from this subject as inadmissible evidence. A similar situation arises in cases where the illegality of either the indictment issued (Art. 225 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), or the issued indictment (Art. 226.7 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) is established;

3) the procedural form of the testimony of the accused from the point of view of the source of their receipt depends on the observance of the legality of the methods of securing (fixing, preserving) this type of evidence. In this case, it is necessary to solve the problem of the evidentiary value of the protocols of the interrogation of the accused and the minutes of the court session, in which the information provided by the accused can be recorded;

4) since Art. 83 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation states that protocols of investigative actions and protocols of court sessions are admitted as evidence if they meet the requirements established by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, insofar as from the content of the said article it can be concluded that the protocols of interrogations should also be classified as evidence in criminal cases. business. This means that in accordance with the current criminal procedure legislation of the Russian Federation, independent evidence is, on the one hand, the testimony obtained during interrogations, and, on the other hand, the interrogation protocols themselves, which may contain testimony. The testimony of the accused is indicated in the minutes of his interrogations or the minutes of the court session, which in turn are written acts fixing the course and results of this investigative (judicial) action. Therefore, the transcripts of the interrogations of the accused, just like the transcripts of the court sessions, containing the testimony of the accused, are the subject of an assessment of admissibility in terms of compliance with the legal procedural form.

Keywords: criminal procedure, procedural form, testimony of the accused, protocol of the interrogation of the accused, permissibility of the testimony of the accused.

Введение

В настоящей научной статье рассматриваются проблемы, связанные с определением процессуальной формы показаний обвиняемого в доктрине уголовного процесса, в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве и в правоприменительной практике. Характер и масштабы исследуемой проблемы охватываются широким спектром

анализа существующих научных взглядов по данному вопросу, критическим подходом к существующим предписаниям действующего уголовно-процессуального законодательства РФ и практики его применения. В статье используются такие специализированные термины, как «процессуальная форма», «показания обвиняемого», «протокол допроса

обвиняемого», «допустимость показаний обвиняемого».

Методы исследования

Включают в себя как общенаучные (диалектический метод познания), так и специальные частные методы познания (синтез, анализ, дедукция, системно-структурный, системно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой), которые позволили комплексно изучить проблемы, связанные с определением процессуальной формы показаний обвиняемого в уголовном процессе.

Результаты исследования

1. В науке российского уголовного процесса отсутствует единый универсальный подход к пониманию процессуальной формы показаний обвиняемого, поэтому необходимо формирование единого доктринального подхода для решения указанной проблемы.

2. Отечественное уголовно-процессуальное законодательство не содержит однозначной трактовки процессуальной формы показаний обвиняемого, поэтому требуется системное толкование норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) с целью определения указанной категории.

Научная дискуссия

В науке уголовного процесса, по мнению одних процессуалистов, процессуальная форма доказательства совпадает с источниками фактических данных (источниками сведений о фактах) [11, с. 103-113]. Ю.К. Орлов определяет процессуальную форму доказательства через источники сведений об обстоятельствах преступления и отождествляет их видами уголовно-процессуальных доказательств [17, с. 98-99]. Отдельная группа авторов считает процессуальную форму доказательств средствами доказывания [20, с. 166]. Как полагают другие исследователи, процессуальная форма доказательства представляет собой источник доказательства [5, с. 55; 14, с. 86-87]. С указанной точкой зрения не согласен В.С. Балахин, который делает вывод о том, существуют серьёзные основания сомневаться в теоретической и практической обоснованности применения понятия «источник доказательств» [2, с. 64]. По существу, аналогичных взглядов придерживается Д.И. Бедняков, предлагающий понятие «источник доказательств» заменить термином «носитель информации» [3, с. 53-54].

Некоторые учёные пишут о том, что термин «источник доказательства» предпочтительнее бы заменить на термин «вид доказательства», который способен отразить различия как в способах сохранения и передачи сведений, так и в процессуальном положении носителя доказательственной информации [15, с. 113; 21, с. 38]. В частности, С.А. Шейфер обращает внимание на то, что источники сведений, имеющих доказательственное значение, представленные видами доказательств выступают самими доказательствами, взятыми со стороны их формы [22, с. 48-49].

Существует точка зрения, согласно которой процессуальная форма доказательств находится в тесной взаимосвязи в структуре элементов доказательственного процесса [28, с. 1011-1012]. При этом делается акцент на информационную концепцию уголовно-процессуальных доказательств [31, с. 13-15].

В связи с этим обоснованно утверждать, что при представлении законной формы доказательств в уголовном процессе в качестве самих доказательств или их видов наблюдается противоречие, которое выражается в недопустимом отождествлении с самим понятием его составного элемента. Отдельно от содержания законная форма доказательства уже является самим доказательством или его разновидностью по уголовному делу. В таком случае нарушаются логические закономерности существования единого понятия доказательства, образованного его составными элементами – содержанием и формой. Составные элементы единого понятия доказательства, его содержание и процессуальная форма, не могут каждый по отдельности представлять или подменять собой указанное понятие [14, с. 99-100].

На мой взгляд, процессуальная форма доказательства в уголовном процессе выступает нормативным способом закрепления (фиксации, сохранения) содержания доказательств, её разновидности предусмотрены действующим уголовно-процессуальным законодательством в ч. 2 ст. 74 УПК РФ¹. Определение доказательств с точки зрения их законных процессуальных форм необходимо связывать с источниками сведений, на основе которых органы уголовного судопроизводства в порядке, определённом УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Поэтому процессуальная форма

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

показаний обвиняемого должна характеризоваться, *во-первых*, законностью признания лица обвиняемым, который является субъектом (носителем) этого вида доказательства, и, *во-вторых*, определением установленного УПК РФ способа закрепления (фиксации, сохранения) показаний, полученных от обвиняемого в уголовном процессе.

В науке уголовного процесса, по мнению одних авторов, необходимо выделять следующие условия, влияющие на законность носителя (источника) доказательственной информации: определённость носителя информации (конкретизация личности, получившей какие-либо фактические данные); психические свойства и состояние лица, позволяющие ему правильно воспринимать и оценивать факты реальной действительности и давать о них правильные показания; указанный в уголовно-процессуальном законе особый правовой статус лица – носителя определённой законом информации (например, адвокат, священник, депутат и т.п.); социальный статус лица, выражающийся в близких родственных отношениях с другими участниками процесса [10, с. 36-37].

Другие процессуалисты применительно к показаниям обвиняемого делают вывод о специфике допустимости показаний отдельных категорий лиц (несовершеннолетние, лица с психическими аномалиями, не исключаящими уголовной ответственности, иностранные граждане), вытекающей из специфики их процессуального статуса [7, с. 22]. Например, О.А. Глобенко пишет, что оценке должны быть подвергнуты особенности возрастного развития и психики несовершеннолетнего, частота присутствия среди несовершеннолетних обвиняемых лиц, отстающих в психическом развитии или страдающих психическими аномалиями, что позволило говорить об обязательности присутствия узкого специалиста в области детской и юношеской психологии, а именно клинического психолога, что особенно представляется актуальным на фоне отказа от специализации следователей по данной категории дел [7, с. 22].

На мой взгляд, безусловно перечисленные выше обстоятельства необходимо учитывать при характеристике показаний обвиняемого. Однако, они не имеют непосредственного отношения к определению процессуальной формы показаний обвиняемого. Их правовое значение проявляется, прежде всего,

в ходе проверки и оценки достоверности указанного вида доказательства. Установление же процессуальной формы показаний обвиняемого с точки зрения законного источника их получения следует связывать с законностью признания лица обвиняемым, который является субъектом (носителем) этого вида доказательства [24, с. 177-180]. Справедливо также, что законность источника составляет одно из правил проверки и оценки допустимости показаний обвиняемого в уголовном процессе [29, с. 1684-1685].

В соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемым признаётся лицо, в отношении которого: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление. Несоблюдение, нарушение требований по порядку составления и вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), будет означать незаконность признания такого лица обвиняемым, и соответственно влечёт за собой исключение показаний, полученных от данного субъекта, как недопустимых доказательств. Аналогичная ситуация возникает и в тех случаях, когда устанавливается незаконность либо вынесенного обвинительного акта (ст. 225 УПК РФ), либо составленного обвинительного постановления (ст. 226.7 УПК РФ).

В контексте проблемы законности признания лица обвиняемым по уголовному делу ряд процессуалистов высказывает мнение о том, что необходимо отказаться на этапе досудебного производства вообще от такого субъекта, как обвиняемый, и заменить его на подозреваемого [6, с. 43]. Одним из аргументов в пользу такой позиции предлагается учитывать практически одинаковые права, которыми обладают подозреваемый и обвиняемый в период расследования.

Следует отметить, что данную идею восприняли в законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья. Например, ч. 2 ст. 42 УПК Украины предписывает, что обвиняемым (подсудимым) является лицо, обвинительный акт в отношении которого передан в суд². Поэтому на всём протяжении предварительного расследования по УПК Украины лицо, в отношении которого ведётся уголовное преследование, признаётся подозреваемым.

² Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. (в ред. от 27 апреля 2021 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Согласно ст. 65 УПК Казахстана, лицо признаётся обвиняемым только по итогам досудебного расследования в случаях, когда:

1) прокурором утвержден обвинительный акт;

2) прокурором утвержден протокол об уголовном проступке и принято решение о направлении уголовного дела в суд по соответствующей статье (статьям) уголовного закона;

3) досудебное расследование окончено заключением процессуального соглашения о сотрудничестве³.

УПК Республики Казахстан исходит из того, что на досудебном расследовании, по существу, фигурирует подозреваемый, как субъект в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Также в научной литературе отмечается, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан представляет собой более прогрессивную модель уголовного процесса в сравнении с УПК РФ [25, с. 7-8; 30, с. 414-415]. При этом справедливо, что ключевые аспекты и проблемы современной уголовно-процессуальной политики необходимо рассматривать сквозь призму её сценариев – с точки зрения фактического осуществления уголовно-процессуальной политики, а также с точки зрения ожидаемых результатов и основных тенденций развития уголовного судопроизводства [26, с. 782-783; 27, с. 120].

Отдельные представители российской уголовно-процессуальной науки, которые высказываются против исключения из уголовного процесса института привлечения лица в качестве обвиняемого, считают: «замена обвиняемого подозреваемым приведёт к потере такого вида доказательств как показания обвиняемого, что означает исключение одного из средств исследования обстоятельств дела и средства защиты лица от уголовного преследования, так как существуют определенные различия между предметом показаний подозреваемого и предметом показаний обвиняемого» [23, с. 15].

Процессуальная форма показаний обвиняемого также зависит от установленных в УПК РФ способов закрепления (фиксации, сохранения) данного вида доказательств. В этом случае необходимо решить проблему доказательственного значения протоколов

допроса обвиняемого и протоколов судебного заседания, в которых могут фиксироваться сведения, сообщаемые обвиняемым.

В теории уголовного процесса мнения учёных по рассматриваемой проблематике разделились. Одна часть авторов полагает, что необходимо разграничение и противопоставление познавательной природы протоколов допросов, в том числе и протокола допроса обвиняемого, с другими протоколами следственных и судебных действий [17, с. 119- 120]. Как утверждает Х.А. Сабилов, «протоколы допросов не отнесены к самостоятельному виду доказательств, поскольку познание обстоятельств преступления следователем, судом осуществляется в них через допрашиваемое лицо, то есть опосредованным путём. В основе же протоколов следственных и судебных действий лежит непосредственный путь познания, исключающий лишнее субъективное передаточное звено. Следовательно, судья непосредственно воспринимают в этом случае фактические данные, которые отражаются в протоколах» [18, с. 9-10].

Аналогичных взглядов придерживается О.В. Савенко, которая «делает вывод о том, что самостоятельными доказательствами являются протоколы таких следственных действий, в ходе которых следователь, дознаватель непосредственно воспринимает доказательственную информацию (это имеет место при осмотре, освидетельствовании, следственном эксперименте, обыске, выемке, наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, контроле и записи переговоров, получении информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами, предъявлении для опознания, проверке показаний на месте). Что касается протокола судебного заседания, то он служит доказательством в той части, в которой зафиксированы сведения, при помощи которых устанавливаются обстоятельства, могущие иметь значение для уголовного дела (это происходит в ходе судебного следствия)» [19, с. 15].

Высказанные позиции во многом базировались на положениях ранее действовавшего УПК РСФСР⁴. Ст. 87 «Протоколы следственных и судебных действий» УПК РСФСР прямо предписывала, что являются доказательством по уголовному делу только те протоколы, которые

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. (в ред. от 2 января 2021 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (в ред. от 29 декабря 2001 г. № 192-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

удостоверяют обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении для опознания, а также при производстве следственного эксперимента. В таком случае протоколы допросов не должны были признаваться востребованными в качестве самостоятельных доказательств по уголовным делам.

Противоположная точка зрения основывается на аргументации, признающей за протоколами допросов значение доказательств. «Сведения, которые должны быть зафиксированы в установленном законом порядке, получаются в результате сложного отражательного процесса следообразования. Прежде всего, происходит первичное отражение обстоятельств преступления в окружающем мире объективной действительности. Соответственно источниками отобразившихся следов преступления будут являться, с одной стороны, сознание живых людей, с другой, - неодушевлённые предметы. На этом этапе отобразившиеся следы преступления, содержащиеся в указанных источниках, ещё не доступны для непосредственного восприятия органам уголовного судопроизводства. Лишь только затем в ходе производства процессуальных действий по собиранию, проверке и оценке сведений об обстоятельствах совершённого преступления органы уголовного судопроизводства непосредственно воспринимают уже своим сознанием отобразившуюся информацию из неживых источников (предметов, вещей материального мира) или от живых людей (субъектов показаний). В данном случае имеет место именно непосредственное восприятие следов преступления независимо от того, каким был источник информации: человеком или вещью. Непосредственность восприятия лицом, ведущим производство по делу, информации обеспечивается тем, что оно само лично производит необходимые следственные или судебные действия по собиранию, проверке и оценке сведений об обстоятельствах совершённого преступления. Непосредственно же воспринятые сознанием следователя или судьи следы преступления должны быть отражены (вторичное отражение) и зафиксированы в установленных уже законом источниках» [13, с. 102-103].

По моему мнению, именно в результате и по итогам такого вторичного отражения следов преступления в предусмотренных законом источниках происходит образование отдельных разновидностей процессуальных форм

доказательств. Так, например, сведения об имеющих значение для уголовного дела обстоятельствах, сообщаемые в ходе допроса свидетелем, непосредственно воспринимаются сознанием лица, в производстве которого находится дело, а затем отражаются в соответствующем протоколе допроса или протоколе судебного заседания. К числу таких источников сведений об обстоятельствах и фактах уголовного дела или процессуальных форм доказательств относятся: 1) показания обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, зафиксированные в соответствующих протоколах их допросов или протоколе судебного заседания; 2) протоколы следственных и судебных действий.

«Доказательства, фиксирующие и сохраняющие информацию о выявленных фактах и обеспечивающие их адекватное описание в соответствующих документах (протоколах), формируются на втором уровне» [32, с. 782-783].

Аналогичных взглядов придерживается целый ряд авторов [1, с. 121; 9, с. 87-88; 12, с. 46- 49; 16, с. 131].

Отдельные процессуалисты высказывают даже такую крайне радикальную позицию, согласно которой, перечисление в ст. 74 УПК РФ показания в качестве видов доказательств наряду с протоколами следственных и судебных действий является с точки зрения законодательной техники излишним, а с позиций теории доказательств – неправильным [4, с. 31].

Ст. 83 УПК РФ провозглашает, что протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным УПК РФ. Судя по всему, из содержания названной статьи можно сделать вывод о том, что протоколы допросов должны быть также отнесены к числу доказательств по уголовному делу. Значит, в соответствие с действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ, самостоятельными доказательствами являются, с одной стороны, показания, полученные в ходе допросов, и, с другой, – сами протоколы допросов, в которых могут содержаться показания.

Как показывает анализ следственно-судебной практики, протоколы допросов, в том числе и протоколы допросов обвиняемого, правоприменителями повсеместно признаются самостоятельными доказательствами по уголовным делам, которые являются могут быть исключены, как полученные с нарушением закона. Причём речь идёт о признании

недопустимыми доказательствами именно протоколов допроса, а не содержащихся в них показаний.

Так, Кассационным определением Верховного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 48-011-41 приговор по делу о разбойном нападении и убийстве был изменён, поскольку суд необоснованно исключил из числа доказательств протокол допроса обвиняемого, так как указание в приговоре на дату протокола допроса является технической ошибкой⁵.

Показания обвиняемого указываются в протоколах его допросов либо протоколе судебного заседания, которые в свою очередь представляют собой письменные акты, фиксирующие ход и результаты данного следственного (судебного) действия. Поэтому протоколы допросов обвиняемого (и других участников процесса), точно также, как и протоколы судебных заседаний, содержащие показания обвиняемого, являются предметом оценки допустимости с точки зрения соблюдения законной процессуальной формы [8, с. 6].

Список использованной литературы:

1. Ананенко И.В. Допустимость протоколов следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
2. Балакшин В.С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация. Екатеринбург, 2002.
3. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991.
4. Будников В. Субъект доказывания не может быть свидетелем по уголовному делу // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 30-31.
5. Власова Н. Перечень доказательств – это краткое изложение сведений, содержащихся в том или ином источнике // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 55-56.
6. Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы правоприменительной практики в условиях действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники: матер. науч.-практ. конф. М., 2006.
7. Глобенко О.А. Показания обвиняемого в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.
8. Григорьева Н.В. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 5-7.
9. Зверев А.Г. Допустимость показаний подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

References:

1. Ananenko I.V. Admissibility of protocols of investigative actions: thesis ... Candidate of Law. SPb., 2005.
2. Balakshin V.S. Evidence in the Russian criminal process: concept, essence, classification. Yekaterinburg, 2002.
3. Bednyakov D.I. Non-procedural information and crime investigation. M., 1991.
4. Budnikov V. The subject of proof cannot be a witness in a criminal case // Russian justice. 2002. № 8. Pp. 30-31.
5. Vlasova N. The list of evidence is a summary of the information contained in a particular source // Russian justice. 2003. № 9. Pp. 55-56.
6. Gavrilov B.Ya. Actual problems of law enforcement practice in the conditions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Criminal Procedure Law: concept, content, sources: mater. scientific-practical conf. M., 2006.
7. Globenko O.A. Testimony of the accused in the modern Russian criminal process: abstract ... Candidate of Law. Nizhny Novgorod, 2007.
8. Grigorieva N.V. Exclusion of inadmissible evidence from the proceedings // Russian Justice. 1995. № 11. Pp. 5-7.
9. Zverev A.G. Admissibility of the testimony of a suspect in the Russian criminal process: thesis ... Candidate of Law. Rostov-on-Don, 2006.

⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 48-011-41 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Зеленский Д.В. Проблемы допустимости доказательств в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1995.
11. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
12. Корнеева А.Н. Показания потерпевшего в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
13. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006.
14. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1997.
15. Левченко О.В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и её совершенствование: дис. ... д-ра юрид. наук. Астрахань, 2004.
16. Мамедов О.Я. Оценка допустимости доказательств на досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.
17. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пос. М., 2000.
18. Сабиров Х.А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
19. Савенко О.В. Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
20. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2004.
21. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1997.
22. Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки // Государство и право. 2001. № 10. С. 47-54.
23. Шуличенко А.А. Показания обвиняемого: правовой, психологический и нравственный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
24. Юрьев Г.Ю. Допустимость показаний обвиняемого с точки зрения надлежащего источника их получения // Государственная служба и кадры. 2018. № 4. С. 177-180.
25. Abdramanova N.K., Alaukhanov Y.O., Alimbekova M.A., Maulenov D.B., Ayanbayev Y.S. The relevance and importance of criminological research on the problems of the legal fight against latent crime in Kazakhstan // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. № 10 (1). С. 7-12.
26. Akimova N.V. To the question of building an ideological basis of the legal policy for the criminal sphere of russian society // Russian journal of criminology. 2019. № 13 (5). С. 782-790.
10. Zelensky D.V. Problems of the admissibility of evidence in the Russian criminal process: thesis ... Candidate of Law. Krasnodar, 1995.
11. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal Procedure: Evidence and Evidence. Voronezh, 1995.
12. Korneeva A.N. Testimony of the victim in the Russian criminal process: thesis ... Candidate of Law. Krasnodar, 2011.
13. Kostenko R.V. Evidence in the criminal process: conceptual approaches and perspectives of legal regulation: thesis ... Doctor of Law. SPb., 2006.
14. Larin A.M., Melnikova E.B., Savitsky V.M. The criminal process of Russia. Lectures-sketches / Ed. by V.M. Savitsky. M., 1997.
15. Levchenko O.V. The system of means of cognitive activity in proving in criminal cases and its improvement: thesis ... Doctor of Law. Astrakhan, 2004.
16. Mamedov O.Ya. Assessment of the permissibility of evidence in pre-trial criminal proceedings: thesis ... Candidate of Law. Volgograd, 2007.
17. Orlov Yu.K. Foundations of the theory of evidence in criminal proceedings: scientific and practical guide. M., 2000.
18. Sabirov Kh.A. Protocols of investigative and judicial actions as a type of evidence in the Russian criminal process: abstract ... Candidate of Law. Krasnodar, 2000.
19. Savenko O.V. Protocols of investigative actions and court sessions as evidence in a criminal case: abstract ... Candidate of Law. M., 2014.
20. Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook / Ed. by P.A. Lupinskaya. M., 2004.
21. Sheifer S.A. Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Togliatti, 1997.
22. Sheifer S.A. Problems of permissibility of evidence require further development // State and Law. 2001. № 10. Pp. 47-54.
23. Shulichenko A.A. Testimony of the accused: legal, psychological and moral aspects: abstract ... Candidate of Law. M., 2008.
24. Yuriev G.Yu. Admissibility of the testimony of the accused from the point of view of the proper source of their receipt // State Service and Personnel. 2018. № 4. Pp. 177-180.
25. Abdramanova N.K., Alaukhanov Y.O., Alimbekova M.A., Maulenov D.B., Ayanbayev Y.S. The relevance and importance of criminological research on the problems of the legal fight against latent crime in Kazakhstan // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. № 10 (1). Pp. 7-12.
26. Akimova N.V. To the question of building an ideological basis of the legal policy for the criminal sphere of russian society // Russian journal of criminology. 2019. № 13 (5). Pp. 782-790.

27. Kirillova N.P., Smirnova I.G. Key scripts of contemporary criminal procedure policy // Russian journal of criminology. 2018. № 12 (1). C. 116-127.

28. Kostenko R.V., Rudin A.V. Notion and meaning of evidence verification in criminal procedure // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. № 9 (3). C. 1011-1017.

29. Kostenko R.V., Yuriev G.Yu. The admissibility of statements provided by an accused person in the russian criminal procedure // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. № 9 (5). C. 1684- 1688.

30. Kostenko R.V., Komissarova Y.V., Perekreestov V.N. The current state of electronic digital enforcement in the criminal process in Russia and some of the EAEU member countries // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. № 110. C. 414-420.

31. Voskobitova L.A., Rossinskiy S.B. Issues cognition in modern criminal proceedings // Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 2015. № 9 (1). C. 13-143.

32. Voskobitova L.A., Przhilenskiy V.I. Evolution of the notion of fact: Issues of legal cognition and law enforcement practices // Russian journal of criminology. 2016. № 10 (4). C. 779-789.

27. Kirillova N.P., Smirnova I.G. Key scripts of contemporary criminal procedure policy // Russian journal of criminology. 2018. № 12 (1). Pp. 116-127.

28. Kostenko R.V., Rudin A.V. Notion and meaning of evidence verification in criminal procedure // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. № 9 (3). Pp. 1011-1017.

29. Kostenko R.V., Yuriev G.Yu. The admissibility of statements provided by an accused person in the russian criminal procedure // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. № 9 (5). Pp. 1684- 1688.

30. Kostenko R.V., Komissarova Y.V., Perekreestov V.N. The current state of electronic digital enforcement in the criminal process in Russia and some of the EAEU member countries // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. № 110. Pp. 414-420.

31. Voskobitova L.A., Rossinskiy S.B. Issues cognition in modern criminal proceedings // Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 2015. № 9 (1). Pp. 13-143.

32. Voskobitova L.A., Przhilenskiy V.I. Evolution of the notion of fact: Issues of legal cognition and law enforcement practices // Russian journal of criminology. 2016. № 10 (4). Pp. 779-789.